

УДК 821.161.1+929Ленин+929Толстой

**ПРАГМАСТИЛИСТИКА «ВОЖДЯ ПРОЛЕТАРИАТА»
(О СТАТЬЕ В. И. ЛЕНИНА «ЛЕВ ТОЛСТОЙ,
КАК ЗЕРКАЛО РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»)**

В. В. Волков

Тверской государственный университет
кафедра русского языка

Идеология и практика большевизма в современном прочтении – не что иное, как экстремизм. Это явствует, например, уже из партийного коммунистического гимна «Интернационал», из публицистики В. И. Ленина. В данной статье ограничиваемся кратким анализом только одного фрагмента общеизвестной статьи вождя пролетариата.

Ключевые слова: *прагмастилистика, большевизм, экстремизм, манипуляция сознанием*

Сила воздействия ленинских текстов определялась, прежде всего, умелой акцентировкой тех мифов революционного сознания, которые отражали ядро идеологии большевизма, чаяния «средней» и худшей части пролетариата (люмпенства), вожделения деревенской голытьбы «всё отобрать и поделить» (среди этих мифов – историческая обречённость капитализма, неизбежность ликвидации частной собственности на средства производства и др.). Акцентировка идей большевизма облакалась В. И. Лениным в форму убеждения, однако на деле была направлена на внушение, на то, чтобы создать эмоционально насыщенный «образ врага». Деструктивная направленность большевизма (не *за*, а *против* кого-чего) определяет набор и содержание семантических доминант в статье, посвящённой Л. Н. Толстому, и ключевые составляющие его «филологической личности» как «вождя пролетариата».

Наиболее наглядно концептуальное ядро социальной мифологии большевизма и одновременно ядро «филологической личности» Ленина проявляется в общеизвестных антитезах, занимающих в названной статье центральное место. Протицируем полностью нужный отрывок:

«Противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого – действительно кричащие. С одной стороны, гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы. С другой стороны – помещик, юродствующий во Христе. С одной стороны – замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши, – с другой стороны, “толстовец”, т.е. истасканный, истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом, который, публично бия себя в грудь, говорит: “я скверный, я гадкий, но я занимаюсь нравственным самоусо-

вершенствованием; я не кушаю больше мяса и питаюсь теперь рисовыми котлетками». С одной стороны, беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс; с другой стороны – юродивая проповедь “непротивления злу” насилием. С одной стороны, самый трезвый реализм, срыванье всех и всяческих масок; – с другой стороны, проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии, стремление поставить на место попов по казённой должности попов по нравственному убеждению, т.е. культивирование самой утончённой и потому особенно омерзительной поповщины» [1, с. 58–59].

Все четыре антитезы начинаются с сильного «позитива», который вызывает ожидание не менее весомого «негатива» и бессознательную готовность читателя принять его. Сведем главное в «позитиве» и «негативе» антитез в таблицу (см. табл. 1; слова в цитатах выделены мною – **В. В.**).

Таблица 1

Концептуальное ядро ленинских антитез

«Позитив»	«Негатив»
1. «гениальный <i>художник</i> »	1. « <i>помещик</i> , юродствующий во Христе»
2. «замечательный, сильный... <i>протест</i> против общественной лжи и фальши»	2. «“толстовец”, т.е. истасканный, истеричный хлюпик, называемый русским <i>интеллигентом</i> »
3. «беспощадная <i>критика</i> »	3. «юродивая проповедь “ <i>непротивления злу</i> ” насилием»
4. «самый трезвый <i>реализм</i> »	4. « <i>проповедь ... религии</i> »

В «позитив» автор вынес те стороны творчества Л. Н. Толстого, которые связаны с критикой и отрицанием «старого мира». По Ленину, сила Толстого, помимо высокой художественности его произведений, в «протесте», «критике», «реализме, срывании всех и всяческих масок».

В «негативе» – вся конструктивная сторона творчества и мировоззрения писателя. Важно, что по существу и в данной статье, и в других публикациях о нём политик толстовские идеи совершенствования мира и людей не критикует, а ограничивается сугубо оценочными суждениями.

Акцентированный политиком «негатив» отражает не объективные слабости Л. Н. Толстого как мыслителя и общественного деятеля, но политическую оценку большевиками его творчества и нацелен не на выяснение, что есть Толстой, а на прямое именование главных врагов большевизма (впоследствии советской властью уничтоженных).

Ленинские работы о Л. Н. Толстом, включая рассматриваемую, не научные исследования, а публицистика, их основное назначение – манипулятивное воздействие на общественное и индивидуальное сознание. Важнейшие способы воздействия – *убеждение* (основывается на фактах и корректных выводах) и *внушение* (основывается на оценках, ориентированных на воздействие через эмоции). Результат убеждения – знание, результат внушения – слепая *вера*. Сверхзадача, которую решал В. И. Ленин, – не убедить, но внушить (под маской убеждения), вызвать активное неприятие ценностей традиционной культуры.

Секрет успеха в решении этой задачи определяется тем, что выводы и оценки В. И. Ленина точно отражали наиболее существенные слагаемые «революционного сознания» пролетариата: все «власть имущие», включая интеллигенцию, – враги, от которых ничего хорошего ждать нельзя и которых поэтому нужно либо подавить, либо истребить. И конкретные ленинские оценки творчества Л. Н. Толстого тем отчётливее воспринимались как верные, чем точнее отражали ожидания «социал-демократического» читателя, что «всё буржуазное» (всё, что «от старого мира») в этих оценках будет осуждено. Вопрос об убедительности и аргументированности оценок отступал на второй план, что позволяло В. И. Ленину обходиться вообще без конкретных аргументов «против», ограничиваясь псевдоаргументацией оценочного характера.

Негативность оценки «помещик, юродствующий во Христе» основывалась на ассоциации «помещик – это эксплуататор, враг» и на отрицательной коннотации глагола *юродствовать*. Корректно ли с позиций неполитизированного мышления сопоставлять «помещика» Толстого («негатив» антитезы) с «художником» Толстым («позитив» антитезы)? Если корректно, то тогда по аналогии: «Пушкин – поэт, но, знаете ли, камер-юнкер», «Лермонтов – поэт, но, к несчастью, офицер» и т.д.

Да и так ли уж несимпатичен Толстой как «юродствующий помещик», если этот броский ярлык расшифровать? Разве не мучительным ощущением своей невольной социальной и нравственной вины, не жгучей жаждой милосердия веет, скажем, такое признание: «В самом деле, чего я хочу? Я хочу сделать добро другим, хочу сделать так, чтобы люди не были холодны и голодны, чтобы люди могли жить так, как это свойственно людям. Я хочу этого и вижу, что вследствие насилий, вымогательств и различных уловок, в которых я принимаю участие, отбирается у трудящихся необходимое и нетрудящиеся люди, к которым принадлежу и я, пользуются с излишком трудом других людей» [2, с. 227]? Неужели больная совесть и жажда творить добро заслуживают названия «юродство»? Толстовское «юродство» – миф, работающий на то, чтобы исключить возможность союза большевиков с лучшими, наиболее совестливыми из «помещиков», а вот толстовское милосердие – то, чему и большевикам после Октябрьского переворота не грех было бы поучиться.

Негативность остальных трёх оценок также основана на мифах «революционного сознания».

Почему «толстовец» – это плохо? Следуя логике ленинского текста, потому, что он «истасканный, истеричный хлюпик» и вдобавок «интеллигент». Негативность оценки основывалась на «рабоче-крестьянской» ассоциации «интеллигент – мямля, слабак, прислужник буржуазии». На деле существование противостояния «интеллигентства» и большевизма сводилось к полярности взглядов на движущие силы общественного прогресса: с «интеллигентской» точки зрения, в основе прогресса – духовное движение (развитие науки, культуры, религии, нравственности); с точки зрения большевиков – социально-экономические факторы. Органическое нежелание интеллигенции «мир насилья» насильно разрушать и оказалось в конечном счёте причиной того, что слово «интеллигент» в тоталитарной системе стало чуть ли не бранным.

Почему «непротивление злу» насилием – плохо? Неужто только потому, что это «юродивая проповедь»? В этой же статье мы находим ленинскую «расшифровку» толстовского «непротивления злу»: «В нашей революции меньшая часть крестьянства действительно боролась... и совсем небольшая часть поднималась с оружием в руках на истребление своих врагов, на уничтожение царских слуг и помещичьих защитников. Большая же часть крестьянства плакала и молилась, резонёрствовала и мечтала, писала прошения и посылала “ходаталей”, – совсем в духе Льва Николаича Толстого! И... большинство же было добычей тех беспринципных, холуйских, буржуазных интеллигентов, которые под названием кадетов бегали с собрания трудовиков в переднюю Столыпина, кланчили, торговались, примиряли, обещали примирить...» [1, с. 60]. Подчеркнём: В. И. Ленин сетует, что лишь небольшая часть крестьян поднималась на *уничтожение* «царских слуг и помещичьих защитников», а ведущих *мирную* политическую борьбу «буржуазных интеллигентов» именует «холуйскими». За что? За то, что они «примиряли, обещали примирить»? По сути, толстовское «непротивление злу» близко тому, что называют «парламентскими» способами решения проблем. В большевистскую концепцию «уничтожения врагов» такое представление не вписывалось. Ленин критикует Толстого за якобы полную пассивность, «непротивление злу». Но разве вся толстовская публицистика, огромная просветительская и благотворительная деятельность – это не «противление» злу?

Почему религия – это плохо? Потому что религия – «одна из самых гнусных вещей, какие только есть на свете» [1, с. 58]. В. И. Ленин сознательно смешивает «полицейски-казённую церковь» и связанное с ней мракобесие с религией. Церковь – социальный институт, религия – одна из форм духовной жизни. Проповедовать религию – значит проповедовать духовность. В чём же, по Ленину, слабость Толстого? В пропаганде духовности?

Суммируем. В. И. Ленин обвиняет «помещика» Л. Н. Толстого в «юрродстве» как жажде творить добро, «интеллигента» Толстого – в желании нравственного самоусовершенствования, «непротивленца» Толстого – в отказе от насилия в пользу мирных, «парламентских» средств борьбы, Толстого-проповедника – в пропаганде религиозной духовности. Всё перечисленное трактуется как «недостатки и слабости... революции» 1905–1907 гг., причём такая трактовка логически не обосновывается, а поддерживается исключительно публицистической напористостью, суггестивной энергией *внушения*.

Какие приёмы обеспечивали В. И. Ленину эффективность *внушения*?

Первый. Мастерское использование важнейших «презумпций общения» – истинности и обоснованности. Начиная статью с замечания, что смысл её названия «может показаться на первый взгляд странным и искусственным» [1, с. 57] (имеется в виду «сопоставление имени великого художника с революцией, которой он явно не понял, от которой он явно отстранился» [1, с. 57]), отмечая затем «лицемерие» «легальной русской прессы, переполненной статьями, письмами и заметками по поводу юбилея 80-летия Толстого» [1, с. 57], Ленин тем самым подталкивает читателя к выводу, что автор этой статьи, безусловно, компетентен, искренен, в противоположность лицемерным «продажным писакам» независим от власти, мыслит оригинально и сильно (что даёт ему право разоблачать других), и вследствие всего этого выводы и оценки автора статьи заслуживают безусловного доверия.

Второй. Безапелляционность оценок (на которые формальное право автору даёт преамбула статьи), создающая весьма убедительную иллюзию, будто с каждой из них любой разумный читатель не может не согласиться, поскольку вполне может обосновать их самостоятельно. Однако именно обосновать «социал-демократические» читатели и не могли, но в сами оценки – верили! Верили, что всякий помещик – смертный враг, что любой интеллигент – продажный, трусливый и беспринципный холуй, что от правительства мирными средствами никогда ничего не добьёшься и что, наконец, коль скоро церковь защищает социальную стабильность, то и религию надо долой. Верили, ибо это казалось очевидным. И весь подтекст ленинской статьи нацелен на поддержание этой иллюзии.

Третий. Высочайший эмоциональный накал текста, лавина оценочных слов, с одной стороны, безудержно хвалебных, с другой – хлестких до оскорбительности. В массе оценочной лексики теряется экстралингвистическая конкретика, снимается проблемность (ср. выше наши вопросы «почему?»), зато великолепно акцентируются ключевые слова, приобретающие чёткую негативную коннотацию: «плохо» – это *помещик*, *Христос*, «толстовец», *интеллигент*, *проповедь «непротивления злу»* *насилием*, *религия*, *поп*, *поповщина*. Эмоциональный фон настолько насыщен, что об ар-

гументированности этого «плохо» читатель и не помышляет. «Толстовец»? Плохо! Почему? Так «толстовец» ведь, интеллигент!

Четвёртый. Мастерски выстроенная композиция как статьи в целом, так и четырёх ключевых антитез. Во-первых, «негатив» антитез, следуя после «позитива», оказывается в рематической позиции, т.е. в фокусе читательского внимания. Во-вторых, читатель, благодаря комплиментарному «позитиву», оказывается в состоянии психологической готовности согласиться с «негативом» (ибо человеку свойственно после весомых похвал принимать замечания, даже если они на грани абсурда). В-третьих, принятию «негатива» способствует афористическая краткость рематических частей первой и третьей антитез, которая усиливает ощущение их беспорности, – «помещик, юродствующий во Христе» и «юродивая проповедь “непротивления злу” насилием», тем более что афористической концовке предшествует пространная похвала: в первой антитезе «позитив» включает 15 слов, а «негатив» – только 4, в третьей соответственно 30 и 5. В-четвёртых, в «негативе» второй и четвёртой антитез мастерски используется ирония и «антитеза в антитезе»: 1) плакатно убедительная фигура «толстоца», который, с аппетитом поглощая рисовые котлетки, заявляет: «Я скверный, я гадкий...»; 2) противопоставление «попа по казённой должности» и «попа по нравственному убеждению» (заметим, что пейоративная коннотация в этом последнем случае связана исключительно со словом *поп*, ибо само по себе наличие нравственного убеждения основанием для осуждения являться не может).

Пятый. Логическая некорректность антитез, игра на подмене понятий: в первой антитезе «художник» противопоставляется «помещику», во второй «протест» – «толстовцу» (как будто быть «толстовцем» не значит по-своему протестовать), в третьей «критика» «проповеди» (по сути, проповеди парламентаризма, как будто парламентаризм не предполагает критики), в четвёртой «реализм» – опять-таки «проповеди» (на сей раз проповеди религии). Ни одна из антитез не основывается на логически корректной антонимии. Ещё более существенная некорректность в том, что следующий после ключевых антитез текст (вплоть до конца статьи) никак не аргументирует представленных негативных оценок. Вместо аргументации оценок Ленин говорит о том, чем *сходно* поведение крестьян с позицией Л. Н. Толстого. Скажем, поведение крестьян не устраивает В. И. Ленина по причине «мягкотелости». Но где доказательство, что оптимальное решение – подниматься «с оружием в руках на истребление своих врагов»? Впрочем, доказательством автор не озабочен; ключевой для большевиков тезис о «необходимости возникновения революционной борьбы масс» [1, с. 61] рассматривается как нечто само собой разумеющееся. О возможности «парламентских» альтернатив и речи нет.

Полученный В. И. Лениным публицистический результат – внушение одного из краеугольных мифов «революционного сознания»: духовность и терпимость (т.е. добро, милосердие, парламентаризм) не спасут,

нужны экстраординарные меры – революционный переворот и диктатура пролетариата, уничтожение традиционной религии, к которой мы теперь мучительно возвращаемся, в том числе и потому, что современному экстремизму по-настоящему может противостоять только такое общество, которое строится на духовных основах.

Список литературы

1. Ленин, В. И. Лев Толстой, как зеркало русской революции [Текст] / В. И. Ленин // Л. Н. Толстой в русской критике : сб. ст. / Вступ. ст. и примечания С. П. Бычкова. – 2-е изд., доп. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1952. – С. 57–62.
2. Толстой, Л. Н. Так что же нам делать? [Текст] / Л. Н. Толстой // Собрание сочинений : в 22 т. / Л. Н. Толстой. – М. : Худож. лит., 1978–1985. – Т. 16 : Публицистические произведения. 1855–1886. –1983. – С. 166–398.

"LEADERS OF THE PROLETARIAT" PRAGMALISTIK (ABOUT LENIN'S ARTICLE "LEO TOLSTOY AS THE MIRROR OF THE RUSSIAN REVOLUTION")

V. V. Volkov

Bolshevik's ideology and practice in modern interpretation is none other than extremism. It is felt, for example, from the gymn "The Internationale" and from the Lenin's publicism. This article is limited to a brief analysis of only one fragment of well-known article "The leader of the proletariat".

Keywords: *pragmastilistika, Bolshevism, extremism, manipulation of consciousness*

Об авторах:

ВОЛКОВ Валерий Вячеславович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Тверского государственного университета, e-mail: Volk7Valery@yandex.ru, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.